

Веч. Ленинград - 1990 - 29 янв.

Сегодня исполняется 130 лет со дня рождения А. П. Чехова

ВПЕЧАТЛЕНИЕ, что мы знаем Чехова, — обманчиво. Он тоже «белое пятно» нашей литературной карты. Даже если мы не ленимся его читать и перечитывать, все равно в нашем сознании отражается унылое школьное знание двух-трех расхожих формул: мол, в человеке все должно быть прекрасно, а для этого нужно ежедневно выдавливать из себя раба. Но Чехов — огромен. И сопровождают его интересные спутники, о многих из которых мы или не знаем, или забыли. Помним ли мы, например, что одним из первых молодого прозаика заметил, поддержал и защитил от нападков критиков-шестидесятников Д. С. Мережковский! Знаем ли, что в числе прижизненных его рецензентов были А. Амфитеатров, В. Розанов, З. Гиппиус! Что серьезные статьи посвящали ему в начале века Л. Шестов и П. Кропоткин! Что на смерть Чехова откликнулись Н. Бердяев и М. Волошин! Что предисловие к берлинскому изданию чеховского избранного написал Е. Замятин!..

Сегодня мы хотим напомнить некоторые из откликов, чтобы познания наши о Чехове были шире и богаче.

Дмитрий
МЕРЕЖКОВСКИЙ

Г. Чехов, конечно, не по количеству таланта, о котором трудно судить по тому, что он до сих пор дал, а по качеству примыкает к современной русской школе, к Тургеневу и Толстому: он научился у них одинаково любить природу и человеческий мир, не жертвовать одним из этих элементов для другого, понимать их органическое и необходимое взаимодействие. Природа для рассказов г. Чехова — не аксессуар, не декорация, не фон, а часть самой жизни, самого действия, основная грандиозная мелодия, в которой звуки человеческих голосов выделяются, то исчезают, как отдельные аккорды. Он смотрит на природу не с одной только эстетической точки зрения, хотя по всем его произведениям рассыпано множество мелких изящных точек, свидетельствующих о тонкой наблюдательности. (...) У г. Чехова, как у истинного поэта, есть эта глубокая сердечность и теплота в отношении к природе, это инстинктивное понимание ее бессознательной жизни. Он не только любит ее со стороны как спокойный наблюдатель-художник, она поглощает его целиком как человека, оставляет неизгладимую печать на всех мыслях и ощущениях, подавляет своими тайнами и величием: в его лучших описаниях чувствуется осадок хорошей, глубоко поэтической грусти, которую испытывают чуткие люди в минуты самого интенсивного наслаждения природой. (...) На дне природы поэт чувствует тайну: эстетическое наслаждение, испытываемое при поверхностном созерцании, уступает место более глубокому мистическому чувству, почти ужасу, не лишенному, впрочем, неопределимой, но увлекательной прелести. (...)

Он в высшей степени обладает мастерством оригинального эпитета: встречая некоторых из его сравнений, вы невольно отрывайте глаза от книги и прислушиваетесь, как в душе возникает длинная вереница мыслей, чувств, неяс-

рю, любви и понимания бытовой стороны жизни. (...) Г. Чехов любит и понимает людей не меньше природы. «В жизни ничего нет дороже людей!», — восклицает один из его героев, и, кажется, эта фраза могла бы служить эпитетом ко всем произведениям молодого беллетриста. Любит он человека не за высшие проявления его гения, не за то, что он — сильный и разумный, а скорее за то, что он слишком слабый, жалкий и смешной. Действующие лица его рассказов — очень маленькие, заурядные люди, в большинстве случаев из неинтели-

Василий РОЗАНОВ

Тиха Русь. Гладка Русь. Болотцем, перегибом попахивает, «а как мило все». Отчего мило? Кому мило? Кто это рассказывает — тому мило, кто это видит — тому мило, да, по правде, и всем нам мило. «Ко всему привыхались».

И задумчивый художник, с полукритикой, без возможности протеста и борьбы, шел и шел... к ночлегу ли, к станции ли. Пресса и общество шумели вокруг него, неглубоки и не «своим» у каждого шумом. Лес шумит, а деревья не слышно. И среди шумящего леса

разумевающейся предпосылки, необходимого фундамента такой, так сказать, пассивной идеализм, признание идеала по крайней мере в качестве нормы при оценке действительности. Настоящий и последовательный пессимист не осуждает и не критикует, это бессмысленно, раз все так не исправимо худо, — он убивает всякую жизнедеятельность, так что единственно последовательный из него вывод чисто буддийский квиетизм, справедливо и реставрированный пессимизмом. Шопенгауэром. Наоборот, настроение Чехова, все крепнущее в нем, в выс-

разрушенная энергия. Человек достигает такого состояния, когда он может только механически повторять изо дня в день известные действия и валится в кровать, радуясь, что ему удалось убить как-нибудь время; им постепенно овладевает полная умственная апатия, полное нравственное безразличие. (...)

Чехов лучше всех русских беллетристов понимал основную порок этой массы русских интеллигентов, которые прекрасно видят мрачные стороны русской жизни, но у которых не хватает силы воли и самоотвержения, чтобы присоединиться к кучке молодежи, осмеливающейся деятельно бороться со злом.

1907

Евгений ЗАМЯТИН

Тенденция для художника — это цветные очки; для писателя тенденциозного все в жизни непременно окрашивается в цвет стекол очков: действительных, реальных красок жизни он никогда не увидит и не узнает. Чехов смотрел на жизнь без этих очков — и это помогло ему стать подлинным писателем-реалистом. «Беспристрастным свидетелем» прошел он чрез конец 19-го и начало 20-го века, и для изучения русской жизни в эту эпоху все написанное Чеховым — такой же документ, как летопись Нестора — для изучения начала Руси.

В рассказах Чехова все имеет меру и вес, все можно видеть и осязать, все — на земле. Ничего фантастического, ничего таинственного, ничего потустороннего нет у него ни в одном рассказе. Если и появится огненноглазый, пугающий мыслью о дьяволе пудель, — то он, конечно, оказывается просто заблудившейся собакой приятеля (рассказ «Страх»); если и появляется призрак Черного Монаха, то беседующий с призраком Коврин все время знает, что это — только призрак, галлюцинация, болезнь. Для душевных движений, казалось бы, самых неуловимых, самых тонких, Чехов находит реалистический, с весом и мерой, образ: слушать пение красивой женщины — это похоже на вкус холодной, спелой дыни («Моя жизнь»); оскорбленное авторское самолюбие — это «ящик с посудой, который распаковать легко, но уложить опять, как она была, невозможно» («Тяжелые люди»); вечная насмешка, ирония петебуржца — «точно щип у дикаря» («Рассказ неизвестного человека») (...).

До Чехова так сказать не рисковали бы. Тут Чехов выступает в роли новатора: он впервые начинает пользоваться приемами импрессионизма.

1921

НЕЗНАКОМЫЙ
ЗНАКОМЕЦ

ных музыкальных ощущений, похожих на ряд отголосков, пробужденных под сводами громким звуком. Он иногда, как будто ненарочно, мимоходом, бросит вам какую-нибудь мелкую черточку, от которой в вашем воображении вся картина сразу вспыхивает с яркостью галлюцинации! Но мистическое чувство, почти экстаз, возбуждаемые в нем слишком сосредоточенным созерцанием природы, не ослабляют теплого, внимательного, женственно нежного сочувствия человеческому го-

гентной или полунинтеллигентной среды в самой серенькой, будничной обстановке. (...)

Но в том-то и заключается тайна немногих гибких и гармоничных натур, к которым принадлежит г. Чехов, что они соединяют в себе очень широкое мистическое чувство природы и бесконечности с трезвым здравым реализмом, с туманным отношением к самым обыкновенным, сереньким людям, с чутким пониманием насущных вопросов дня.

1888

шел путник-созерцатель, не вторя лесу, но и не дисгармонируя с ним, его не поддерживая, но ему и не противореча. У Чехова было столько же «хочу», сколько «не хочу». Именно, как у Руси, у которой «не хочется» так же много, как «хочется»... Все нерешительно, все неясно...

Он стал любимым писателем нашего безволия, нашего безгероизма, нашей обыденщины, нашего «средненького». Какая разница между ним и Горьким! Да, но зато Горький груб, короток, резок, неприятен. Все это воистину он недолговечный писатель. Все прочитали. Разом, залпом прочитали. И забыли. Чехова не забудут... В нем есть бесконечность — бесконечность нашей России. Хороша ли она? — Средненькая. Худа ли? — Нет, средненькая.

1910

Сергей БУЛГАКОВ

Вообще говоря, вся литературная деятельность Чехова проникнута весьма своеобразным и трудно поддающимся определению на языке школьной философии идеализмом, и над всею ею господствует общая идея, тот бог, которого не нашел в себе в критическую минуту старый профессор из «Скучной истории» и которого долго не умели распознать у Чехова его критики. Этот идеал и является тем светом, при котором только и можно рассмотреть очертания и краски, опознать хорошее и дурное, различать верх и низ, правую и левую сторону. Только по силе его возможна оценка жизни и осуждение существующего во имя должного, которое — часто молчаливо — совершается в каждом рассказе Чехова. Мировая скорбь вообще предполагает в качестве само собой под-

шей степени жизнедеятельности. Он умел любить жизнь, считать ее делом серьезным и важным, требующим подвига и неустанного труда. (...)

Говорят, что в морских глубинах живут растения, никогда не видящие солнца, и однако, как и все живое, они живут только солнцем, без него они не могли бы и появиться на свет и просуществовать одного дня, хотя как легко и как, казалось бы, убедительно они могли бы отрицать существование солнца. Такими подводными растениями являются и многочисленные персонажи Чехова. Он дает только чувствовать солнце и лишь изредка стыдливо и как бы невзначай, обычно от третьего лица, Чехов прямо говорит о нем — только в виде исключения, золотой луч несмело блеснет и тотчас же погаснет на дне оврага.

1910

Петр КРОПОТКИН

Герои Чехова — не из тех людей, которые никогда не слышали лучших слов или вовсе незнакомы с идеями, более высокими, чем те, которые обрабатываются в низших слоях филистеров. О нет, они слышали такие слова, и когда-то их сердца тоже билась горячо при звуках этих слов. Но пошла обыденная жизнь заглушила все такие стремления, апатия пришла на смену, и в удел им осталось одно прозябание изо дня в день, посреди самой безнадежной пошлости. Пошлость, изображаемая Чеховым, начинается потерей веры в собственные силы и постепенной утратой всех тех ярких надежд и иллюзий, которые составляют прелесть всякой деятельности; и тогда, шаг за шагом, капля за каплей, пошлость постепенно иссушает самые источники жизни: остаются разбитые надежды, разбитые сердца,